Проблемы качества криминологических исследований: истoki и симптомы болезни

КВАШИС *Виталий Ефимович*, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: kvashis@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные со снижением качества криминологических исследований и публикаций, падением престижа и востребованности криминологии, а также с осознанием необходимости серьезных перемен.

Значение криминологической науки в современной жизни постоянно возрастает. Это обусловлено рядом объективных причин, среди которых главной является рост криминализации общественных отношений и процессов, происходящих в развитии общества. Криминализация всей структуры общественных отношений неизбежно ведет к стагнации в экономике, к деградации культуры, образования и науки, к росту абсурда происходящего. В то же время резко ускоряется историческое развитие, быстро растет число открытий и явлений событийного характера, меняющих существующую реальность.

Формируются новые условия цифровой реальности, связанные с ростом информационных потоков, развитием и внедрением цифровых технологий в различные сферы общественной жизни. Одновременно возрастают разноплановые риски и угрозы; криминология становится одним из важных инструментов их анализа, прогнозирования и предупреждения. Задачей криминологии является создание эффективных средств противодействия деструктивным силам, формирование принципиально новых подходов к обеспечению национальной безопасности и кибербезопасности как несущей конструкции цифровой безопасности.

В условиях новой цифровой реальности криминология призвана осмыслить перспективы грядущей реформации общественных отношений и формирования нового мировоззрения, создать методологические основы для ответов на сложные вызовы времени. Возрастает потребность в объективности и достоверности научного знания, без которых наполнение криминологической информации интеллектуальным содержанием невозможно.

Ключевые слова: криминология, наука, публикации, законодательство, правоприменительная практика.

Quality Problems of Criminological Researches: the Origins and Symptoms of the Disease

V. Ye. KVASHIS, chief research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, chief research fellow of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: kvashis@mail.ru

The article deals with the current problems associated with the reduction of the quality of criminological researches and publications, the fall of the prestige and relevance of criminology, as well as the awareness of the need for serious changes.

The importance of criminological science in modern life is constantly increasing. This is due to a number of objective reasons, among which the main is the growing criminalization of social relations

and processes occurring in the development of society. The “criminal matrix” formed in the country is expanding and makes itself felt in virtually all areas of our lives. The criminalization of the entire structure of social relations inevitably leads to stagnation in the economy, to the degradation of culture, education and science, to the growth of absurdity of occurred. On the other hand, historical development is accelerating dramatically, time flies faster, and the number of discoveries and events that change the time, life and people themselves is growing rapidly.

An unprecedented technological breakthrough has become an important factor in the development of modern society. The country has entered a new technological era; the new conditions of digital reality are associated with the rapid growth of information flows, intensive development and the ever-increasing introduction of digital technologies in various spheres of public life. The task of legal science is mastering new processes and phenomena occurring in a rapidly expanding digital environment. The transition to the digital world and the availability of new technologies offer colossal opportunities and prospects for the society; at the same time, manifold risks and threats are multiply; criminology is becoming an important tool for their analysis, forecasting and prevention. The task of criminology is the creation of effective means of counteracting destructive forces, the formation of fundamentally new approaches to ensuring national security and cyber security as a supporting structure of digital security.

In the new digital reality, criminology is designed to comprehend the prospects for the coming reform of social relations and the formation of a new worldview, to create methodological bases for answering complex challenges. Hence, there is a growing need for objectivity and reliability of scientific knowledge, without which the filling of criminological information with intellectual content is impossible

Keywords: criminology, science, publications, legislation, law enforcement practice.

DOI: 10.12737/art_2018_6_6

Значение криминологической науки в современной жизни постоянно возрастает. Это обусловлено рядом объективных причин, среди которых главной является растущая криминализация общественных отношений и процессов, происходящих в развитии общества. Сформировавшаяся в стране «криминальная матрица» ширится и дает о себе знать практически во всех сферах нашей жизни. Криминализация всей структуры общественных отношений неизбежно ведет к стагнации в экономике, к деградации культуры, образования и науки, росту абсурда происходящего. В то же время историческое развитие резко ускоряется, стремительно растет число открытий и явлений событийного характера, меняющих само время, жизнь и самих людей.

Важнейшим фактором развития современного общества стал невиданный технологический прорыв. Страна вступила в новую технологическую эру; новые условия цифровой реальности связаны со стремительным ростом информационных потоков, интенсивным развитием и все более широким внедрением ци-

фровых технологий в различные сферы общественной жизни. Задача юридической науки состоит в освоении новых процессов и явлений, происходящих в условиях быстро расширяющейся цифровой среды¹. Переход в цифровой мир и доступность новых технологий открывает для общества колоссальные возможности и перспективы; в то же время неминуемо возрастают разноплановые риски и угрозы; криминология становится одним из важных инструментов их анализа, прогнозирования и предупреждения. Задачей криминологии является создание эффективных средств противодействия деструктивным силам, формирование новых подходов к обеспечению национальной безопасности и кибербезопасности как несущей конструкции цифровой безопасности².

В условиях новой цифровой реальности криминология призвана осмыслить перспективы грядущей

¹ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 86, 91.

² См.: Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М., 2018. С. 10.

реформации общественных отношений и формирования нового мировоззрения, создать методологические основы для ответов на сложные вызовы. Отсюда растёт потребность в объективности и достоверности научного знания, без которых наполнение криминологической информации интеллектуальным содержанием невозможно.

События в станице Куцневской наглядно показали, как и почему неконтролируемые государством рыночные отношения неизбежно криминализируются. С тех пор ни суть явления, ни его распространённость не изменились.

Другое актуальное явление — обострение межэтнических противоречий; возникающие на этой почве конфликты культур отражают глубинные процессы криминализации экономических и политических отношений. Криминологическому анализу таких негативных процессов принадлежит важная роль³. Криминология, как верно заметил М. П. Клейменов, не враг режима, а его врач. Она призвана разрабатывать стратегию противодействия преступности, выявлять недостатки и пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Практическая и научная значимость криминологии предполагает формирование навыков и приемов анализа, владение методологией и современными методиками исследований. Насколько успешно справляются с этими задачами те, кто проводит криминологические исследования? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сделать несколько замечаний, связанных с состоянием современной криминологической науки.

Мне уже приходилось говорить, что границы криминологии, уго-

ловного права и уголовной политики являются искусственными, ибо между ними не может быть «китайской стены»; вместе они образуют единую науку, имеющую общую цель — противодействие и предупреждение преступности. Однако при неразрывной связи этих наук именно криминологические идеи должны служить генератором политических, законодательных и, соответственно, уголовно-правовых решений. Тот факт, что у нас часто все происходит «с точностью до наоборот» или, как сказал бы М. Е. Салтыков-Щедрин, «в обратном разуме порядке» (когда новеллы в УК игнорируют криминологическую экспертизу или противоречат криминологической картине явлений), тезис о приоритете криминологических идей и оценок никак не опровергает.

Мы живём в мире, где ничто не идеально. Сказать, что мы живём в мире, обезображенном правовым нигилизмом, значит ограничиться «общим местом» и камуфлировать реальные особенности социальной, культурной и криминологической ситуации. О культуре здесь сказано не случайно, ибо когда культурный слой в обществе ослаблен, тогда формируется «криминальная матрица» и начинаются процессы дегенерации.

Криминологическая реальность должна формировать границы преступного и наказуемого поведения и понимание их сути. Но у нас эта реальность и уголовное законодательство существуют автономно; это две разные, все больше удаляющиеся друг от друга планеты, каждая из которых вращается по собственной орбите. Наш правовой режим постоянно находится в состоянии турбулентности, в силу которого пространство здравого смысла сокращается, а иррациональное нередко вытесняет рациональное. Отсюда и репрессивный вектор, с которым связаны законодательные новеллы последних лет. В. Войнович делит эти новеллы на «просто

³ См.: Клейменов М. П., Клейменов И. М. Криминология в современном мире // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. 2011. № 1. С. 7.

бессмысленные, бессмысленно вредные, осмысленно вредные и идиотские». Это публицистика, но описанная ситуация — часть нашего ландшафта.

Автономное существование законодательства и криминологической реальности обусловлено или по крайней мере тесно связано с автономным развитием уголовного права и криминологии; об этом говорится давно, однако этот процесс, к сожалению, идет все более интенсивно. Среди криминологов все больше заметен отрыв от основ уголовного права, они не успевают за принтерным «совершенствованием» уголовного закона и не видят перспективы реализации растущего криминологического материала. А среди специалистов уголовного права все заметнее пренебрежительное отношение к криминологии, неоправданный снобизм, необоснованные притязания на лидерство, обособленность поиска уголовно-правовых решений от криминологических идей и накопленной фактуры. Казалось бы, необходимость интеграции очевидна, но ученые все больше разбегаются по своим «квартирам». Эта ситуация развивает флюсы специализации, она указывает на опасности обособленных анклавов знаний, ведет к застою науки, к схоластике в уголовном праве и к дрейфу криминологии к социологии, психологии, к компаративистике или публицистике.

О серьезных проблемах и опасности деградации обеих наук говорит и все более заметное стремление к дезинтеграции внутри каждой из них. Мне кажется, что в уголовном праве ширится водораздел между специалистами по Общей и Особенной части, тем более что все заметнее разрыв взаимосвязей и взаимной обусловленности норм обеих частей Уголовного права. А в криминологии разрыв между ее методологическими основами и прикладной частью еще глубже, он все заметнее и идет значительно быстрее. Крими-

нология все больше развивается в парадигме исследования преступности конкретных подсистем, выделения ее отдельных сегментов и формирования на этой основе растущего числа отраслевых, «частных» криминологических теорий (семейная криминология, криминология массовых коммуникаций, политическая криминология, криминология в спорте, медицине и т. п.). Вероятно, это веление времени и, значит, процесс объективный, но это не снижает необходимости кооперации и интеграции научного знания; важно, чтобы развитие такой специализации базировалось на единых методологических основах криминологической науки⁴.

Все это важно еще и потому, что в последние годы ушли такие мегазвезды научного небосвода, как Б. В. Волженкин, А. Э. Жалинский, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова. Они были «драйверами» новаций в науке, ее интеллектуальными донорами; ушло созвездие людей невероятно ярких и талантливых, чьи работы можно считать визитными карточками времени. Ныне ряды таких профессионалов сильно поредели; энциклопедистов и универсалов, прекрасно владеющих и уголовным правом, и криминологией, осталось меньше, чем пальцев на руке (А. И. Бойко, М. П. Клейменов, И. Я. Козаченко). Среди активно работающих криминологов можно выделить две группы: в первой их средний возраст выше 80 лет (я называю их «отряд дино»), во второй — ближе к 70 годам. Это само по себе не означает снижения качества их продукции, констатируется лишь фактическое положение дел. Тех, кто пришел им на смену, единицы (Ю. Е. Пудовочкин, К. В. Образжиев, Э. Л. Сидоренко, О. Н. Бибик, И. М. Клейменов), а тех, кто этот ряд пополнит, на горизонте пока не вид-

⁴ См.: *Квашис В. Е.* Избранные труды по уголовному праву и криминологии. 2-е изд. СПб., 2017. С. 7—9.

но. Время меняет многое, оно вытесняет личности, способные идти против тренда, и капсулирует новую среду, где проявляются совсем другие таланты — способности к манипуляциям и производству научного контрафакта.

Возвращаясь к вопросу о качестве криминологических исследований, замечу, что совсем не хочу быть певцом апокалипсиса науки. Речь о другом, о том, что трансформации и мутации качества многих исследований находятся в русле изменений в обществе; они соответствуют общему тренду к дилетантизму и снижению уровня любой, в том числе научной, продукции. Этот негативный тренд обусловлен многими, лежащими в разной плоскости причинами; между ними разные по интенсивности и сложные по характеру взаимосвязи, и потому их классификация не входит в нашу задачу. Не претендуя на их систематизацию, укажем лишь на некоторые из таких причин, так или иначе детерминирующих все более интенсивное развитие негативного тренда к снижению качества криминологических исследований.

Несмотря на вызовы времени, большинство криминологических исследований до сих пор проводится в традиционной парадигме отечественной криминологии 1980-х гг., методология и особенно методика которой строились в статике, без учета происходящих и, главное, предстоящих социальных изменений, связанных с достижениями науки и значительными технологическими трансформациями. Все более широкое проникновение Интернета и других технических средств облегчило доступ к информации, но одновременно коренным образом изменило интересы и психологию молодежи, отбило охоту к самостоятельному постижению знаний и творчеству, что в итоге резко снизило уровень интеллекта и общей культуры. На этом фоне формировалась новая среда, которая не прием-

лет людей талантливых; она отличается своей массовостью, быстрым расширением и абсолютной безликостью, где невозможно отступление от мейнстрима. Указанный тренд во многом обусловлен непомерной бюрократизацией управления образованием и наукой, абсурдными и разрушительными установками на количественный рост публикаций, на учет формальных показателей, что породило погоню за числом публикаций и индексами цитирования, исключаящую и без того угасшее стремление к творчеству. Бюрократизация принесла и много других болезненных проблем, повлекших резкое снижение уровня научной и педагогической работы; она создала почву для квазинауки, когда на авансцену вышли дилетанты и имитаторы, не знающие основ предмета, не владеющие методологией и методикой исследований. Иные пишут так много, что нет времени подумать, нет кнопки «стоп», чтобы помыслить. Поэтому в работах последних лет накопилось так много «шумов и спама»⁵.

Рынок быстро отреагировал на бюрократизацию науки: появилась масса журналов с сомнительной репутацией, но зарегистрированных в «ринцах» и «скопусах»; они индуцировали всплеск активности дилетантов и манипуляторов: плати денежку и печатайся. А если в складчину, то и дешевле, и «галка» каждому. И пошло-поехало. Конкуренция на этом рынке вынудила искать новые формы привлечения авторов; веерной рассылки приглашений к публикациям уже недостаточно, тем более что одни конкуренты снижают расценки, другие перешли на издания за рубежом. «Заметки ученого» (!) при Ростовском институте управления и права бросили клич «50% за вторую и последующие статьи!». Чтобы выживать, таким «мур-

⁵ См.: Жалинский А. Э. Обновление криминологии // Избранные труды: в 4 т. Т. 1: Криминология. М., 2016. С. 457.

зилкам» надо творить. Они и творят, как могут, полагая, что и предложения могут породить спрос.

Другая типичная картина среди тех, кто этот спрос формирует. Отбросив «глупости» по поводу науки и научной добросовестности, ушлые «специалисты» стали создавать своеобразные группы соавторов и ссылаться друг на друга. Хватает и других приемов. У некоторых «ученых» индексы цитирования зашкаливают, другие воздвигают себе памятники, тиражируя свои работы с неприличным количеством ссылок на себя великого и т. п. Не имеет значения, хвалят тебя или критикуют, важно, что твой индекс цитирования растет. Не важно, что большинство таких «ученых» науке неизвестны, что их работы не имеют научной ценности, важно, что они лидеры по всем бюрократическим показателям. Для науки они как были, так и останутся мертворожденными, а мертвые, как известно, срама не имеют.

Прав классик: «Движение есть, продвижения нет!». Среди недостатков этого «движения», помимо названных, все больше заметны поверхностность анализа и некомпетентность, наукообразие, некорректное использование основных понятий науки, непонимание сложных взаимосвязей между явлениями, формулирование банальных, юридически неграмотных выводов и рекомендаций, дискредитирующих криминологию как науку⁶. Все это — имитация науки. Сказанное об уровне публикаций во многом относится и к качеству кандидатских и докторских диссертаций. Здесь важны не отдельные перверсии, а тренд. Десять лет назад Я. И. Гилинский писал, что тотальный плагиат стал нормой российской научной жизни; «порядка 40% кандидатских диссертаций и 30% докторских диссертаций

содержат плагиат»⁷. Снизились ли эти цифры сегодня? Вопрос риторический. Так или иначе криминологическая литература сегодня сильно инфицирована. Однако, как заметил один оптимист, никогда не бывает так плохо, чтобы не стало еще хуже. Поэтому задача ученых — противостоять профанации науки и остановить поток наводнившей литературу контрафактной продукции.

Среди многих причин сложившегося положения следует назвать вовлечение в орбиту криминологических исследований все большего числа людей неподготовленных, что прямо связано с издержками юридического образования (непонимание значимости и объективной востребованности криминологии, слишком прагматичное, утилитарное отношение к ней студентов и администрации вузов), недостатками кадровой политики, пренебрежительным отношением к криминологии со стороны властных структур. В итоге все это приводит к снижению качества и обоснованности многих законодательных решений, к их бесконечному корректированию и изменениям. (Ежегодно в стране принимается около 500 законов; при всех растущих потребностях правового регулирования такого рода нормотворческая гонка подрывает основы права и юриспруденции.)

Истоки абсурдности ситуации и в том, что ценность гуманитарного знания оказалась вытесненной на периферию общественного спроса. Страна еще не пережила юридического безумия в его различных аспектах (в том числе в объемах и деталях нормирования общественной и личной жизни). Парадоксальный факт: при падении спроса на юристов в стране реализуется поголовное юридическое образование. Сеть юридических учебных заве-

⁶ См.: Клейменов М. П., Клейменов И. М. Профанация криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. 2010. № 2. С. 15.

⁷ Гилинский Я. И. Глобализация, девиантность, социальный контроль: сб. ст. СПб., 2009. С. 142.

дений постоянно ширилась — юридические факультеты создавались в строительных, медицинских, педагогических и других вузах. Особенно быстро ширилась система ведомственных вузов; с каждым годом этот процесс шел интенсивнее: институты трансформировались в академии, академии в университеты, университеты быстро прирастали сетью филиалов. Сегодня помимо «циvilьных» юридических вузов растущую армию юристов выпускают учебные учреждения всех силовых ведомств — Генеральной прокуратуры, ФСИН, Следственного комитета, Министерства обороны, Министерства юстиции, ФСБ, МВД, МИД. В итоге сложилось несколько разных юридических сообществ, готовящих по одной учебной программе правоохранителей с разным уровнем образования. Несмотря на формальную общность программ, преподавание профилирующих дисциплин в этих вузах превалирует над базовыми научными дисциплинами (каждому ведомству нужны специалисты соответствующего профиля). Поэтому все они хоть и считаются юристами, но знания базовых наук у них в основном поверхностные; в силу разного базового образования они, как правило, говорят на разных языках. Это еще одна большая и самостоятельная проблема.

Другой ряд проблем породил переход «циvilьных» юридических вузов на европейскую систему образования. Поскольку в юридических учреждениях и службах их выпускники-бакалавры с укороченным образованием, мягко говоря, спросом не пользуются, возникла необходимость развертывания сети магистратуры и отлова магистрантов, а здесь свои проблемы организации и качества обучения; помимо этого, работает система «второго образования», где диплом юриста получают за три года (!) обучения, широко развита сеть платного заочного и вечернего обучения. В условиях растущей

конкуренции «циvilьные» вузы и система самофинансирования их филиалов требуют наполнения резервуара обучающихся; поэтому на преподавателей ложится обязанность проведения круглогодичных «дней открытых дверей» и других форм максимального привлечения студентов — независимо от возможностей вуза в части кадров преподавателей, помещений, средств обучения и т. п. Забота о «пропитании» администрации и персонала вузов на следующий год сталкивается со многими минобразовскими идиотизмами — с перекройкой и сокращением учебных программ, лекционных часов, с требованиями более широкого перехода на дистанционное обучение и внедрения иных инноваций, на деле снижающих эффективность учебного процесса в гуманитарных вузах. Сокращение преподавателей ведет к росту нагрузки на оставшихся; оно идет параллельно с ростом числа студентов на разных формах обучения и противостоянием растущему валу глупейших форм отчетности (ОПОП, ОПК, ФГО, ВПО, компетенции, рейтинги, модули, хирши и т. п.) и бесконечных проверок. Поток новых указаний и форм отчетности приводит к непомерному росту бюрократического аппарата вузов, паразитирующего на учебном процессе, к созданию своей системы контроля, к диктату некомпетентной внешней и внутренней бюрократии. В итоге создается система, при которой студенты и преподаватели «мешают работе» вузовской бюрократии. (Подробнее об этой «бумажной паранойе» и «канцелярской шизофрении» говорится в открытом письме профессора В. В. Афанасьевой министру образования).

Все сказанное, конечно, беда, и, увы, беда системная. В ее анамнезе лежит много всего; в разных локациях этот процесс идет по-разному, но суть не меняется: в силу разных причин состояние правовой и криминологической мысли, образования и уровня подготовки юристов

является весьма тревожным и грозит катастрофой.

Поразивший общество «синдром культурного иммунодефицита» не мог, разумеется, обойти стороной криминологическую науку. Одно из многих его проявлений — провинциальность, которая усугубляет названные процессы и их следствия. Важно отметить, что в нашем понимании провинциальность вовсе не является понятием географическим и потому лишено каких-либо оттенков снобизма. Развитие отечественной криминологии вовсе не является прерогативой столицы; более того, актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью успешно разрабатываются не столько в Москве или Санкт-Петербурге, сколько на периферии страны, куда периодически смещаются центры криминологической мысли (Красноярск, Екатеринбург, Омск). Провинциальным можно быть и в Москве, и в Санкт-Петербурге.

Провинциальность — это не только отсутствие научного багажа, методологической базы, пренебрежение к выбору терминологии, недостаток научной культуры; это еще и наукообразность, назойливый пиар с обилием сносок на себя любимого, тиражирование и раздутость публикаций, объем которых нередко обратно пропорционален их научной ценности; это и графомания, отсутствие чувства меры и самоиронии и, как следствие, мания величия и завышенная оценка своей научной значимости.

О значении научного аппарата, об использовании терминологии следует сказать отдельно, ибо они определяют и понимание предмета, и реакцию на него. В условиях распространенной пестроты терминологической палитры выбор терминологии крайне важен, поскольку за терминологическими различиями нередко стоят разногласия концептуальные⁸.

⁸ См.: Колбасов О. С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 1. С. 27.

Перечисленные и другие недостатки в той или иной мере можно встретить во многих работах, авторы которых не страдают избытком научной культуры и перебором скромности, но бывают и особо острые случаи. Характерный пример — пространная статья в журнале «Виктимология» (2017. № 2). Приведем лишь один из пассажей этой статьи, вызывающий зависть к научной плодовитости автора: «Представленная работа является продолжением исследований и цикла публикаций автора по вопросам измерения последствий преступности и/или ее отдельных видов виктимологическими средствами, которые с различной степенью и регулярностью публикуются в отечественных [25, с. 568—574; 26, с. 10—21; 27, с. 4—8; 28, с. 76—80; 29, с. 16—23; 30, с. 108—126; 31, с. 48—53; 32, с. 529—534; 33, с. 14—19; 34, с. 52—56; 35, с. 13—23; 36, с. 7—23; 37, с. 129—131] и зарубежных [1, с. 35—39; 2; 3, с. 1—7; 4] периодических изданиях».

Таких ссылок на себя великого в статье 18 (!). Судя по их обилию, автор, известный работами по разным проблемам криминологии, оказался весьма плодовитым и на ниве виктимологии. Каюсь, эти статьи не читал, авось, Бог простит. Что же касается указанной статьи, то продраťся до ее стержня сквозь рябь таких же 62 (!) сносок оказалось непросто.

Содержание статьи вызывает множество вопросов и замечаний, разных по научной значимости (я не говорю о непонимании автором смысла ряда терминов, о «виктимологических средствах» (?) измерения последствий преступности, об архаичности методики, поверхностности анализа и прочих «мелочах»). Но и со стержнем как-то не очень. В основу анализа положена, по сути, воспринимаемая на веру изначально лукавая криминальная статистика, не сопоставленная ни с медицинской, ни с демографической статистикой, с социологическими или виктимологическими опросами. Выводы автора по выделенным

им показателям «криминального неблагополучия» верны лишь в силу их тривиальности; 13 (!) графиков, кроме наукообразности и раздувания объема работы, ничего не добавляют.

Что удивляет в статье опытного автора? Во-первых, отсутствие понятия социальных последствий преступности и определяющих его критериев. Во-вторых, отсутствие представления о давно ведущихся, в том числе базовых, разработках по проблеме социальных последствий и «цены» преступности (М. М. Бабаев, В. Е. Квакшис, Л. В. Кондратюк, В. В. Лунеев и др.). Между тем в последние годы опубликованы весьма интересные итоги ряда специальных исследований по этой проблеме⁹. Но, главное, выводы автора не могут быть коммуницированы, ибо налицо путаница и подмена ключевых понятий науки. О значении терминологии исследований уже говорилось. Терминологические «блуждания» понятны, когда речь идет о формировании новой отрасли научного знания. Но в виктимологии ключевые понятия давно сформировались, устоялись и не подвергаются ревизии. Студентов учат, что виктимность как свойство уязвимости личности — категория вероятностная, а о криминальной виктимизации говорят как о процессе, о последствиях уже совершенных преступлений. Хочется верить, что автор знаком с трудами основателей отечественной виктимологии (Л. В. Франк, В. П. Коновалов, Д. В. Ривман, В. В. Вандышев, В. И. Полубинский, В. Я. Рыбальская), но эта вера слабеет, когда вместо показателей виктимизации автор постоянно говорит о показателях криминальной виктимности.

⁹ См., например: Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М., 2008; Афанасьева О. А. Теоретические основы криминологического исследования минимизации социальных последствий насильственной преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

Такая подмена ключевых понятий диссонирует с общепринятым пониманием их природы, сущности и различий. Небо на землю, конечно, не упало, но указанный недостаток меняет весь смысловой строй этой работы.

Заметим, что разного рода ошибки и просчеты случаются и у авторов, имя и работы которых в науке признаны весьма авторитетными. Один из таких ученых подготовил крупную, важную для науки и практики работу. Вроде бы все хорошо, но хочется еще «вишенку на торте». И решил автор к анализу законодательства и судебной практики добавить свои оценки справедливости назначенных наказаний.

Прежде чем сказать об этих оценках, заметим, что справедливость — категория оценочная, субъективная (у разных людей она воспринимается по-разному, что справедливо для одного, несправедливо для другого) и потому относительная. Далекая от юриспруденции Марина Цветаева верно отметила, что справедливость — это поезд, который всегда запаздывает. Россия издавна обезображена правовым нигилизмом; несправедливость была и остается основным законом нашей жизни. Важно отметить, что справедливость — понятие, которое нельзя оценивать абстрактно, вне места, времени, политического и социального контекста. У справедливости много слагаемых, в том числе конкурирующих между собой. Справедливость и законность у нас противостоят друг другу, и нередко справедливость оказывается выше закона. И с тем, и с другим, как известно, нам не очень повезло. К слагаемым справедливости можно отнести еще много всего, например целесообразность и не принятое у нас милосердие. Дуэль между целесообразностью и справедливостью у нас чаще заканчивалась в пользу целесообразности, а о милосердии и говорить не приходится. Это тоже часть нашего ландшафта.

Мы действительно живем в мире, где ничто не идеально. В любом случае справедливость сама по себе — категория крайне сложная и потому ее оценка на уровне конкретного дела и тем более на уровне изученной правоприменительной практики всегда будет сложной и противоречивой. Сложный объект требует адекватных средств его анализа и описания. Если такой анализ упростить, то выводы могут оказаться поверхностными. И последнее: попытки оценить справедливость наказания математическими методами и заложенными в них экспертными оценками предпринимались не раз, но все они были неудачными из-за ущербности методики, большого разброса оценок и, главное, из-за сложности самой категории «справедливость наказания», противоречивости ее содержания и заведомо неоднозначного ее понимания и трактовки.

Вернемся к задумке автора. Для ее реализации было изучено 50 (!) приговоров, вынесенных 28 судами разных областей, по ст. 105 УК РФ. Качество выборки и описание ее географических достоинств автором не самое главное. Главное — выбор критериев справедливости назначенного наказания, которые оценивались автором по четырехзвенной шкале: «абсолютная справедливость — 4; почти справедливое (в рамках устоявшейся практики) — 3; несправедливое, но законное — 2; незаконное — 1».

«Разумеется, — поясняет автор, — эти оценки носят субъективный характер, но они производились с учетом заложенных в УК РФ правил назначения наказания, принципов уголовного законодательства, а также всех тех обстоятельств, которые оценивал суд и выложил в приговор».

Не будем задавать нудные вопросы вроде того, какое именно наказание является «абсолютно справедливым», не будем мучить читателя цифирью по каждой группе приговоров. Приведем лишь вывод из этого

исследования: «По полученным данным, средняя оценка справедливости наказания означает, что наказание было назначено в рамках, установленных законом, но оно тем не менее не является справедливым». Автор связывает этот вывод с состоянием справедливости в законе («не совсем справедливое») и «с не очень справедливым применением наказания на практике». При этом он счел необходимым дополнение: «Удвоение “не совсем” справедливости дает итоговую оценку назначенного наказания как несправедливого».

Читатель сам оценит и критерии оценки справедливости наказания, и итоги такого анализа. Скажу лишь, что эта «вишенка» не украсила большую и в целом содержательную работу.

Высказанные суждения и впечатления, конечно, субъективные, во многом вкусовые, и потому их восприятие не является обязательным. В то же время следует сказать, что в последние годы из правовой и криминологической науки ушли дискуссии и критика (некоторые авторы воспринимают ее не иначе как личную обиду), ушла культура полемики. А без полемики развитие любой науки, особенно наук гуманитарного цикла, видимо, невозможно.

Осознание необходимости перемен и «обновления криминологии» идет пока крайне медленно, но оно уже висит в воздухе, и, судя по появлению нескольких принципиально новых и крупных исследований, это осознание будет шириться¹⁰. Это дает надежду, что наша криминоло-

¹⁰ См.: Бахарев Д. В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности. СПб., 2016; Морозов Н. А. Япония: преступность и уголовная политика / под ред. В. Е. Квашиса. СПб., 2016; Бибик О. Н. Рынок преступлений и наказаний. СПб., 2017; Овчинский В. С. Указ. соч.; Козаченко И. Я. Модели противодействия преступности: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Общество и право. 2018. № 1.

гическая мысль поправится и криминология снова станет наукой востребованной. И случится это тем

скорее, чем раньше в нее прилетят новые птицы и запоют новые, научно обоснованные песни.

Библиографический список

Афанасьева О. А. Теоретические основы криминологического исследования минимизации социальных последствий насильственной преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

Бахарев Д. В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности. СПб., 2016.

Бибик О. Н. Рынок преступлений и наказаний. СПб., 2017.

Гилинский Я. И. Глобализация, девиантность, социальный контроль: сб. ст. СПб., 2009.

Жалинский А. Э. Обновление криминологии // Избранные труды: в 4 т. Т. 1: Криминология. М., 2016.

Квашиш В. Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии. 2-е изд. СПб., 2017.

Клейменов М. П., Клейменов И. М. Криминология в современном мире // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. 2011. № 1.

Клейменов М. П., Клейменов И. М. Профанация криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. 2010. № 2.

Козаченко И. Я. Модели противодействия преступности: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Общество и право. 2018. № 1.

Колбасов О. С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 1.

Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М., 2008.

Морозов Н. А. Япония: преступность и уголовная политика / под ред. В. Е. Квашиша. СПб., 2016.

Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М., 2018.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.